

Виноградов с утра уходил в централ, принимал там больных, лечил чахоточных только что входившим тогда в моду «туберкулином». Христофоров занимался ветеринарной практикой.

По приказанию Гольшуха, Снежсков вызвал меня в контору и спросил, чем намерен я заниматься в рабочей команде.

Я ответил:

— Буду писать.

У меня была внутренняя потребность использовать выгоды моего нового положения для разоблачения преступлений, свидетелем которых я был в Екатеринославе.

Работая запоем, в январе я закончил обширный очерк, в котором изобразил горловское дело. Этот очерк летом 1911 года появился в «Русском Богатстве» с довольно значительными цензурными купюрами¹⁾. В феврале я работал над статьей, в которой хотел восстановить картину екатеринославских избиений. Этой статье не повезло: из-за цензурных затруднений она пролежала в портфеле «Русского Богатства» два года²⁾.

В конце зимы из казенного домика я перебрался в собственную избу.

* * *

Эта изба имела свою историю.

Когда поднялся вопрос о применении к политическим каторжанам статей о внетюремном разряде, моя сестра, приехавшая в Александровское для свидания со мной, подала Князеву заявление о том, что я хочу, на основании тюремного устава, поселиться в собственной избе, — как

¹⁾ «Суд победителей», «Русское Богатство», №№ 6-7 за 1911 г.

²⁾ «После взрыва», «Русское Богатство», № 8 за 1913 г. Напечатание этого очерка было со стороны редакции «Р. Б.» актом большого гражданского мужества: журналу грозила конфискация, а может быть и привлечение к суду. И редакция сознательно пошла на риск.

это разрешалось политическим «внетюремного разряда» в зерентуйской каторге. Князев на это согласился. Но тюремная инспекция представила какие-то возражения, и было решено, что я могу построить себе избу на тюремной земле за свой счет, но при условии, чтоб эта изба была подарена тюремному ведомству и перешла в полную его собственность, а я занимал бы ее лишь в качестве «пожизненного» — до окончания срока каторги — квартиранта.

После этого сестра купила для меня в деревне избы-пятистенник за 125 рублей. Но когда пришло время перевозить постройку, инспекция заявила, что подходящего места для нее на тюремной земле не имеется. После долгих проволочек все-таки отведи мне клочок земли на крутом косогоре за школой. Пришлось делать глубокую выемку в склоне холма, чтобы получить площадку, пригодную для постройки дома. Затем артель плотников-уголовных разобрала по бревнам купленную в деревне избу, перевезла ее и сложила вновь на приготовленной площадке. Сложили и печь особой системы, изобретенной в «коллективе»; я посадил у крылечка ряд лиственниц и перебрался в новое жилище.

Одно время вместе со мной в избе жил человек в вольнокомандовцев, потом я остался один, к лету 1912 года со мной поселился Хаевский, а после моего освобождения здесь было устроено отделение политической художественной мастерской.

В жизни александровского мирса эта скромная изба была играла заметную роль. Она служила предметом бесконечной переписки между Александровском и Иркутском.

За это время я перепробовал множество профессий: работал молотобойцем в кузнице, состоял писарем при цейхгаузе, давал уроки сынишке Шеметкина, измерял тюремный пруд и вычислял быстроту обмена воды в нем, составлял проект лесопильного завода, полел гряды с капустой, был косцом. А в течение полугода положение у меня было совсем странное: мой домик был переименован в барак (не